

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

С. С. ЛАЗАРЯН

ИМПЕРСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА НА КАВКАЗЕ В 40 – 50-е ГОДЫ XIX ВЕКА ЗАДАЧИ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

В статье представлена деятельность Кавказского наместника М. С. Воронцова, имевшая задачу скорейшим образом инкорпорировать Кавказский край в социально-культурное пространство Российской империи. Важнейшим и наиболее действенным средством в решении данной задачи сделались учебные заведения различного профиля и направленности.

Ключевые слова: имперские власти, Кавказ, наместник, система образования, учебные заведения, адаптация, кавказские народы.

Вместе и одновременно с упрочением позиций российской государственности и гражданской жизни на территории Кавказского края возрастала настоятельная необходимость как можно скорее сделать этот регион неотъемлемой частью империи. Помимо военно-политических и административных мероприятий и по мере того, как военные средства в отдельных частях Кавказа утрачивали свое первостепенное значение, на первые роли выходили средства хозяйственно-экономические, культурно-просветительские, нравственные. В процессе преобразования кавказского мира и сближения его с миром России образовательные и культурно-просветительские учреждения приобретали значение средства проникновения российской цивилизации на территорию Кавказского края, средства преобразовательной работы, направленной на духовное обновление кавказского мировидения.

В то же время в 40-50-е гг. XIX века культурное развитие туземных народов, как таковое, не было ещё первостепенной задачей центральных и региональных российских властей. Однако им предстояло посредством русской культуры и внедрения элементов имперской образовательной системы создать благоприятные условия для укоренения российского присутствия на Кавказе, подготовить социальное пространство Кавказа к восприятию России в качестве той основополагающей социокультурной среды, в рамках которой будет осуществляться жизненная программа каждого жителя Кавказского края на исторически длительную перспективу.

В этом не было ничего удивительного или необычного. Образовательная система и образовательные учреждения всегда играли значительную роль в колониционных усилиях в любой части мира, поскольку обучение является фундаментальным процессом в жизни людей, позволяющим целенаправленно влиять на формирование личности в интересах данного общества и государства¹. Посредством образования происходит трансляция общественно значимых знаний от поколения к поколению, генерирование и хранение культуры общества, социализация личности и её интеграция в данную социальную систему, освоение социокультурных инноваций, и одновременно осуществляется социальный контроль².

При помощи образования российские власти надеялись внедрить в умы жителей Кавказа приемлемые для империи модели социального поведения, необходимые не только для сосуществования в новой для кавказского мира социокультурной среде, но и для эффективного участия в системе жизнедеятельности, параметры которой задавались имперской государственностью. Кроме того, посредством образования надеялись в скором времени создать в крае пророссийски ориентированный слой местной социальной и культурной элиты³. Наличие таких людей уже само по себе способствовало бы росту доверия со стороны жителей Кавказа к деятельности российских властей в крае.

На такой подход нацеливала кавказских администраторов позиция центральных имперских властей. Министр народного просвещения С.С. Уваров считал, что «завоевание без уважения к человечеству, без содействия новых, лучших законов, без исправления состояния побежденных – тщетная, кровавая мечта, но побеждать просвещением <...> распространением наук и художеств, образованием и благоденствием побежденных – вот единственный способ завоевания, от коего ныне можно ожидать прочности вековой...»⁴. Данной позиции придерживались и многие другие деятели Российской империи. Так, О.М. Ковалевский отмечал, что России принадлежит почетная роль осуществления синтеза европейских и азиатских культур: «Провидение, управляющее судьбами России, предназначило ей быть посредницею между Европой и Азией для сообщения сей <...> части света плодов истинного образования, которое мы сами приобретаем с неимоверным трудом...»⁵.

¹ Волков, Добреньков и др. 2005. С. 352.

² Шереги, Харчева, Сериков. 1997. С. 13; Кравченко. 2001. С. 212.

³ Северный Кавказ в составе Российской империи. 2007. С. 270.

⁴ Сопленков. 2000. С. 144.

⁵ Там же. С. 155.

В то же время, по мнению современного исследователя Р.С. Бозиева, до 30-х гг. XIX века у российских властей не было разработанной системы социальной политики и ясных целей по адаптации кавказских народов к условиям жизни Российской империи. В этот период власти еще не рассматривали просвещение народов, например, Северного Кавказа «как средство реализации своих политических целей»⁶. Тот же исследователь, однако, отмечает, что положение дел в данном вопросе не оставалось неизменным и кардинально изменилось за период с конца 1830-х до конца 1840-х гг. Развитию светского образования в северной части Кавказского края стали придавать значение важного средства достижения имперских целей. С точки зрения Р.С. Бозиева, в этот период были заложены основания системы светского образования коренных народов и начала формироваться государственная образовательная политика в регионе. Этому во многом способствовало то обстоятельство, что с середины 1840-х гг. российская политика трансформируется преимущественно из «колонизаторской в цивилизаторскую»⁷.

Компонентом такой политики делается адаптация кавказских народов к жизни в составе Российской империи. В связи с этим активизировались усилия по формированию соответствующей социальной структуры общества и системы образования, призванной подготовить для данной работы слой просвещенных людей, проводников ценностных смыслов имперской политики в кавказскую среду. Непосредственными институтами, воспроизводившими существовавший и внедрявшийся в кавказскую среду социальный порядок Российской империи, были школы. В силу обстоятельств места, времени и условий школы в пространстве Кавказского края обладали чрезвычайной разноликостью, как по актуальности своих задач, так и по формам своей организации.

В условиях длившейся многие десятилетия Кавказской войны мероприятия по развитию народного образования в крае осуществлялись преимущественно деятелями Кавказской военной администрации, а также опирались на поддержку местных, весьма немногочисленных образованных слоёв, способствовавших организации образовательных и культурно-просветительских учреждений, в том числе и своими личными пожертвованиями. Отдалённость края от внутренних губерний России, медленное развитие прочных путей сообщения, отсутствие достаточных государственных средств и кажущаяся первостепенность других дел, недостаток кадров и многие другие факторы приводили к тому, что

⁶ Бозиев. 2009. С. 6.

⁷ Там же.

распространение образования в большой мере зависело от ответственности и личностных качеств людей, причастных к делу укоренения российской гражданственности на Кавказе.

Развитие сети образовательных учреждений в северной части Кавказа прошло ряд этапов длительной трансформации. Как отмечает Р.С. Бозиев, местная сеть светских образовательных учреждений начала свой путь с расширения и дифференциации. Затем происходило усложнение образовательных программ и сближение их с аналогичными общероссийскими программами. Постепенно увеличивался образовательный потенциал за счет подготовки кадров для региональных учебных заведений, направляемых из-за пределов региона. Властями совместно со всеми заинтересованными лицами определялись источники и объемы финансирования учебного процесса. Наконец, совершенствовалась нормативно-правовая база деятельности образовательных учреждений и доводилась до общероссийских стандартов⁸. Основание учебных заведений составляло «одну из усердных забот» князя Михаила Семеновича Воронцова в период его Кавказского наместничества. Кроме общеобразовательных школ, открывавшихся при его активном содействии в различных местах Кавказского края, были основаны также школы для подготовки специалистов в различных областях знаний и профессий (виноделия, садоводства, табаководства, шелководства, правоведения). Необходимость диктовала также заводить школы переводчиков с восточных и кавказских языков.

Эта черта в деятельности наместника имела глубокие корни в его воспитании, основывавшемся на высоких принципах эпохи европейского Просвещения, где вера в преобразовательную сущность образования была основополагающей. М.С. Воронцов считал своим долгом не только способствовать экономическому процветанию вверенных в его управление территорий, но стремился к культурному их обновлению и преобразованию, поскольку с помощью русского языка и культуры кавказские народы могли прийти к пониманию русской и мировой цивилизации, увидеть своё собственное место в мировом историческом процессе.

Как и во всех иных сферах жизнедеятельности Кавказского края, князь-наместник подходил к делу развития образовательной системы основательно, учитывая особенности, существовавшие в разных частях Кавказа. Эти особенности социально-культурного пространства и сложившаяся там система традиционного существования определяли первостепенность усилий и сложность задач, которые предстояло решать.

⁸ Там же. С.9.

В годы наместничества князя М.С. Воронцова Грузия была избрана в качестве первостепенной площадки преобразовательных усилий, а также сделалась выставочной витриной всех предлагаемых Кавказу перспектив и благоденствий. Князь-наместник намеревался именно в этой части Кавказского края сформировать, в первую очередь, проимперски ориентированную социальную среду. Его усилиям могла способствовать вероисповедальная близость местной этнической общности, а также её социально-политическая организация, в своей основе сходная российской.

В данном случае князь-наместник не выказывал какого-либо своеволия, он продолжал линию, которая была определена высшими имперскими властями. Император Николай I считал, что местное дворянство после подтверждения его социального статуса и сословных прав через систему вводимых там образовательных и общекультурных учреждений будет ранее других частей Кавказского края способным воспринять идеи и образ действий, свидетельствовавшие «об искренней преданности и усердии престолу и отечеству»⁹.

В связи с этим, М.С. Воронцова беспокоило то, что вся учебная часть за Кавказом находилась не в том положении, в каком «она должна была быть сообразно видам правительства и потребностям края»¹⁰.

Существовавшие на Кавказе к 1840-м гг. учебные заведения уже не отвечали потребностям общества в образовании из-за своей малочисленности и не удовлетворяли общим требованиям своего уровня, особенно после того, как число учеников пополнилось детьми русских офицеров и чиновников, иностранных колонистов, поселявшихся в Грузии. Только в Тифлисе в 1845 г. числились более 100 кандидатов для поступления в местную гимназию, несмотря на то, что ежегодно отправлялось значительное число воспитанников в разные учебные заведения и кадетские корпуса в Россию. Положения не спасали и частные пансионы¹¹.

Данное положение вещей убедило князя-наместника в необходимости увеличения отпуска средств для воспитания детей закавказского дворянства и служащих кавказской администрации, детей офицеров и иных представителей имперского сообщества. В связи с этим князь М.С. Воронцов распорядился увеличить, в том числе, количество военных школ, находившихся при различных полках и батальонах Отдельного Кавказского корпуса, расквартированных за Кавказом. На первый

⁹ Николай I без ретуши. 2013. С. 357.

¹⁰ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией... Т. X. С. 841.

¹¹ Там же.

случай, не прибегая к особенным издержкам, была найдена возможность увеличить число воспитанников в этих школах до 200 человек¹².

В том же 1845 г. князь М.С. Воронцов представил на утверждение Совета Главного управления краем проект о закавказских училищах «Положение о воспитании Кавказских и Закавказских уроженцев, на счет казны, в высших и специальных учебных заведениях империи»¹³, рассчитывая «на предварительное рассмотрение и соображение онаго с нуждами и обстоятельствами края»¹⁴.

С приходом России в край у молодых людей местных знатных фамилий появилась возможность получения образования в имперских высших учебных заведениях. Для выходцев с Кавказа выделялись квоты в университетах, в горном, технологическом и лесном институтах, в кадетских корпусах, что способствовало их карьере и чем сильно «возбуждалась охота к просвещению»¹⁵.

Скоро, однако, выявилась специфическая проблема. Большая часть воспитанников, отправляемых по окончании курса в Тифлисской гимназии для поступления в высшие учебные заведения империи, не выдерживали вступительных экзаменов. Наместник приказал выяснить причину, и оказалось, что при существовавшем тогда порядке избрания кандидатов, гимназическое начальство не могло подобрать достойных кандидатур в нужном количестве, так как некоторые высшие учебные заведения требовали присылать детей, исключительно принадлежащих к почетнейшим фамилиям. Кроме того, лучшие по своим познаниям и способностям воспитанники, часто не изъявляли желания уезжать в далекие и неизвестные Петербург или Москву. Эти выявленные обстоятельства были представлены в Петербург, в Кавказский Комитет.

Вникнув в сущность дела после представленного доклада, император Николай Павлович постановил: 1) всех «казенно-коштных» воспитанников пансиона при тифлисской гимназии избирать для отправки в высшие учебные заведения для дальнейшего обучения по назначению начальства, а не по собственному их желанию; 2) на восточное отделение Петербургского университета и в Московский армянский Лазаревский институт назначать лучших гимназистов, «хотя бы они не принадлежали к высшему туземному дворянству, и вообще, при выборе учеников, обращать особенное внимание не на происхождение их, а на

¹² Там же.

¹³ РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 8. Л. 28.

¹⁴ Там же.

¹⁵ АКАК. 1885. С. 841.

способности и успехи, подающие хорошие надежды и заслуживавшие особых попечений правительства»¹⁶.

Наместнику пришлось разбираться в ситуации, возникшей в Озургетах, где ещё в 1844 г. повелением императора Николая I должно было быть возведено школьное здание на 40 воспитанников из Гурии и Имеретии с отпуском на этот предмет 3000 казенных рублей, но ничего не было сделано. Это наносило ущерб репутации, как России, так и лично императора в глазах туземного общества. Ситуацию необходимо было исправлять решительными мерами. Убедившись в том, что возведению здания препятствуют объективные причины – отсутствие строителей, и к тому же бюрократические правила не позволяли отдать эту постройку в подряд, князь М.С. Воронцов распорядился строить здание хозяйственным способом силами армии под руководством главного местного начальника генерала Брусилова¹⁷. Таким образом проблемная ситуация была разрешена к удовольствию всех сторон. Распорядительность наместника была отмечена в Петербурге.

Перед отъездом М.С. Воронцова на Кавказ министр народного просвещения просил его обратить внимание на неудовлетворительно медленную постройку зданий для закавказских училищ, для которых было отпущено из Государственного Казначейства 103000 рублей серебром. Эта постройка была начата ещё в 1837 г., и за 7 лет из 13 запланированных к возведению зданий выстроено полностью только пять – из-за жульнических проволочек со стороны подрядчиков¹⁸. Все попытки министерства сдвинуть ситуацию с мертвой точки вылились в одну только бесполезную переписку.

М.С. Воронцов учредил особую комиссию для выяснения всех обстоятельств существующей проблемы. По представлению комиссии результатов разбирательства он приказал приступить к продаже залогов неисправных подрядчиков. Мера эта тут же увенчалась успехом. Недостроенные здания скоро были приведены в надлежащий вид и сданы в учебное ведомство в Дербенте и Баку, а начатые здания в Шемахе, Шуше и Нахичевани, признанные несоответствующими своей цели и плохо построенные, были проданы с публичных торгов. Для помещения училищ были наняты дома у частных лиц, с которыми были заключены длительные контракты¹⁹.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 842, 855.

Желая помочь гурийским дворянам получить средства для воспитания детей в имперском духе, М.С. Воронцов обратился в Петербург с представлением. Император согласился с доводами наместника изъяснив «соизволение на определение в кадетские корпуса детей гурийских дворян, наравне с детьми других почетных уроженцев здешнего края»²⁰.

Для предоставления торгующему сословию жителей Закавказского края средств «к приличному и сообразному с их состоянием и образом занятий воспитанию детей»²¹, было открыто в Тифлисе коммерческое училище. В силу того, что большинство торгующего сословия составляли армяне, католикос Нерсес V Аштаракеци, «готовый и всегда умеющий помогать во всем полезном»²², активно участвовал в реализации данного проекта.

Одновременно князь-наместник предлагал расширить сеть средних учебных заведений и учредить помимо Тифлисской гимназии еще две другие, в Кутаиси и в Екатеринодаре²³.

Насущной необходимостью в крае было повсеместное распространение правильного знания русского языка, «дело до сих пор совершенно забытое»²⁴, вследствие чего весьма малое число местных представителей могли с пользой служить как для правительства, так и для себя.

Князь-наместник считал, что в начальных училищах должны изучаться разные туземные языки и особенно татарский, а дети татар (тюрок) и армян должны всячески стараться овладевать русским языком, поскольку без знания русского языка все наставления и ориентиры быстро забываются и вытесняются прежними этническими традициями, мало связанными с интересами Российской империи. Кроме того, распространение правильного знания русского языка необходимо для приобретения со временем хороших чиновников из туземцев, а изучение русскими воспитанниками хотя бы одного из туземных языков не только свяжет между собой разные сословия местных жителей, но «даст нам верный способ иметь хороших и надежных переводчиков»²⁵.

Удовлетворяя очередное ходатайство князя М.С. Воронцова в Петербург, император постановил выделить для воспитания детей гурийских дворян в кадетских корпусах 10 вакансий из 30, предоставлявшихся для почетных семейств Закавказского края. Узнав о распоряжении

²⁰ Там же. С. 842.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. С. 855.

²⁴ Там же. С. 126.

²⁵ Там же. С. 126, 855.

императора, наместник отреагировал новой просьбой, направленной военному министру, в которой ходатайствовал разрешить отправлять в кадетские корпуса, кроме вышеозначенного числа, еще 10 малолетних имеретин из лучших фамилий²⁶. Продолжилось увеличение количества военных школ, находившихся при полках, в которые поступали на обучение дети разных сословий. По указанию князя-наместника в этих школах учреждались отделения для обучения выходцев из благородных сословий, число которых к концу 1848 г. достигло 400 человек.

Образовательная политика князя М.С. Воронцова в Кавказском крае реализовывалась в общем русле имперской политики, учитывала сословные различия и связанные с ними задачи.

Для образования детей мусульман по указанию М.С. Воронцова был разработан устав для училища мусульман-шиитов, проживавших в Тифлисе. После утверждения устава в Петербурге в 1847 г. такое училище было открыто, хотя на устройство подобных учебных заведений казна не отпускала денег. В связи с этим князь-наместник был вынужден покрывать все издержки из имевшихся в его распоряжении экстраординарных сумм и частично за счет доходов тифлисской соборной мечети²⁷.

Как только такое училище начало работу и об этом стало широко известно, к М.С. Воронцову тут же обратились с аналогичной просьбой и мусульмане-сунниты. Князь Воронцов с явным удовольствием откликнулся на их просьбу, тем более что училище для суннитов могло иметь большую важность в силу той роли, которую они имели в Дагестане, в шамхальстве Тарковском и на Кумыкской равнине.

Уже в мае 1848 г. император Николай I утвердил устав училища для тифлисских мусульман-суннитов, разрешив «даровать лицам мухаммеданского закона», преподающим в тифлисских уездных училищах восточные языки, преимуществ по службе наравне с другими учителями. Это дало возможность российским властям хороших и надежных воспитателей из мусульман и одновременно показало мусульманам, что правительство, несмотря на вероисповедные различия «одинаково поощряет труды и занятия на пользу общую»²⁸.

Эти два мусульманских училища²⁹ учреждались в виде опыта на два года, что было также связано с тем, что не все из представителей знатных мусульманских фамилий хотели, чтобы их дети обучались вме-

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 10. Л. 127.

сте с детьми христиан. Данное начинание и общее удовлетворение, с которым оно было воспринято среди местного мусульманского населения, убедили князя-наместника «в пользу распространения этой меры и на другие места Закавказского края»³⁰. Были учреждены школы для тушин, пшавов и хевсур с целью распространения просвещения в крае среди горских народов. Для них была открыта общая школа в Тионетах, где предполагалось воспитывать детей горских жителей в духе христианского благочестия и внушения им уважения к властям. Кроме того, мало-помалу добивались смягчения нравов «этих полудиких жителей» и «утверждения в них преданности к правительству»³¹.

В связи с тем, что в военно-учебные заведения России невозможно было принять всех желающих там учиться выходцев с Кавказа, а в Грузии «не сочтено было удобным иметь особый кадетский корпус»³², чтобы предоставить юным князьям и дворянам хотя бы самое необходимое образование, князь М.С. Воронцов приказал во всех полках и в некоторых батальонах в Грузии и Имеретии учредить школы военных воспитанников. Военные школы в Грузии в связи с особенностями национального характера её жителей, среди которых всегда существовало общее влечение и проявлялись способности к военной службе, получили широкое распространение.

Доказательством воинственного духа, существовавшего среди обитателей Грузии, могло быть то обстоятельство, что огромное число местных князей и дворян служили в России. Многие из них под русскими знаменами защищая свой край, ежегодно погибали. Это, однако, не останавливало их рвения. Многие молодые люди из княжеских и дворянских фамилий продолжали порываться на военное поприще, но недостаток воспитания преграждал им путь «к благородному их стремлению»³³. В школа военных воспитанников кавказская молодёжь, при самых ничтожных денежных затратах, могла бы привыкая к солдатскому быту, учиться всему тому, что требовалось для того, чтобы выдержать экзамен для поступления в юнкеры. В 1850 г. имелось уже до 500 юношей, готовившихся к военной службе, привыкавших к дисциплине и совершенно владеющих русским языком³⁴.

³⁰ АКАК.1885. С. 897.

³¹ Там же. С. 856.

³² Там же.

³³ Там же. С. 897.

³⁴ Там же.

Образовательная политика князя М.С. Воронцова демонстрировала жителям Кавказа возможность их интеграции в пространство империи, где не было «ни эллина, ни иудея», а только подданные императора»³⁵.

М.С. Воронцов также способствовал официальному доступу к образованию женщинам, без различия их материального благосостояния. Он не был первопроходцем в данной сфере, поскольку ещё в 1838 г. жена учителя областной гимназии Крупье открыла в Ставрополе частный пансион для воспитания девочек дворянского происхождения³⁶. Часть купцов посылали своих дочерей в пансионы Таганрога или в Керченский Кушниковский девичий институт³⁷.

Деятельное участие в развитии женского образования на Кавказе принимала Е.К. Воронцова, супруга наместника. Ещё в 1846 г. при её непосредственном содействии в Тифлисе было открыто первое женское учебное заведение св. Нины «для детей недостаточных родителей»³⁸.

Князь М.С. Воронцов активно содействовал открытию Закавказского института благородных девиц и постройке для него приличного здания. Из желания освободить казну от дополнительных издержек, князь Воронцов использовал свой новороссийский опыт – пригласил частных людей построить дом для женского института по утвержденным планам и с заключением контрактов о найме помещения на продолжительное число лет. Для института был также приобретен небольшой сад³⁹.

Скоро выяснилось, что из-за большой потребности в образовании для дочерей из дворян, один институт благородных девиц не может удовлетворить всем требованиям. Кроме того, бедность самих дворян не позволяла им платить за воспитание дочерей сумму, которая превышала их состояния, а само воспитание, получаемое девицами в институте, «было несообразно с образом жизни и состоянием большей части родителей»⁴⁰. Дочери небогатых дворян, «проведши первые лета юности в разного рода лишениях»⁴¹, получали в институте образование, необходимое только для жизни в высшем обществе или для богатых семейств. Возвращаясь по окончании учебного курса домой, они находили там те же лишения и большую разницу в своем образовании и образовании

³⁵ Пащенко, Урушадзе. 2013.

³⁶ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 895. Л. 228-231.

³⁷ РГИА. Ф. 1281. Оп. 3. Д. 11. Л. 34; ГАСК. Ф. 8. Оп. 24. Д. 135. Л. 19-20.

³⁸ *Краснов*. 1913. С. 55.

³⁹ АКАК. 1885. С. 842.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

своих родителей. Это порождало напряженность в отношениях и разочарование в надеждах и ожиданиях лучшей доли. По мнению князя-наместника, такое воспитание для данной категории дворянских девиц в связи с состоянием их родителей не всегда могло быть полезным.

М.С. Воронцов высказал пожелание, чтобы воспитание, дававшееся дочерям бедных родителей, больше соответствовало образу их жизни и положению⁴². Несмотря на выявившуюся проблему, он считал такого рода заведения нужными и полезнейшими для многих дворянских семей. князь В Тифлисском институте благородных девиц обучалось 60 казенно-коштных воспитанниц⁴³.

Таким образом, князь М.С. Воронцов много сделал сам и много способствовал другим в их начинаниях по культурной инкорпорации вверенных его попечению территорий. Его деятельность на этом поприще следует рассматривать не как прихоть крупнейшего и богатейшего российского помещика-мецената, но, прежде всего, как представителя высших российских властей в Кавказском крае, проводивших в жизнь указание императора по сплочению этой отдалённой тогда окраины империи с остальными её частями. Деятельность М.С. Воронцова помогала наискорейшим, насколько это было возможно, способом внедрять в кавказскую среду сначала отдельные элементы, а затем целые комплексы российских и европейских ценностей, которые способствовали материальным и ментальным переменам туземных обществ, сначала христианских, а затем, в определённой мере, и исламских, тем подготавливая Кавказ к существованию в составе Российской империи.

Важнейшим и наиболее действенным средством в решении задачи наискорейшим образом «слить» Кавказ с Россией сделались учебные заведения различного профиля и направления. Князь Воронцов лично способствовал учреждению многих учебных заведений на Южном и Северном Кавказе и предоставлял условия для проявления инициативы всем желающим и пекущимся об образовании местных народов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1885. Т. X. 938 с.

Бозиев Р.С. Развитие образование народов Северного Кавказа в XIX – начале XX века: этапы, движущие силы, механизмы. Автореф. дисс... д-ра ист. наук. М., 2009. 46 с.

Волков Ю.Г., Добренков В.И. и др. Социология. М.: Гардарики, 2005. 512 с.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С.856.

- Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.8. Оп.24. Д.135. Л.19-20.
Государственный архив Ставропольского края. Ф.444. Оп.1. Д.895. Л.228-231.
Кравченко А.И. Социология. М.: Академический Проект, 2001. 508 с.
Краснов М. Просветители Кавказа. Ставрополь: Тип. Губернского правления, 1913. 102 с.
Николай I без ретуши / Автор-составитель Я. Гордин. СПб.: Амфора, 2013. 543 с.
Пащенко И., Урушадзе А. Образовательная политика Российской империи на Кавказе // URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2013/01/06/obrazovatel'naja-politika-rossijskoj-imperii-na-kavkaze.html>
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1268. Оп.3. Д.8. Л.28.
Российский государственный исторический архив. Ф.1281. Оп.3. Д.11. Л.34.
Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). – М., 2000. 214 с.
Шереги Ф.Э., Харчева В.Г., Сериков В.В. Социология образования: Прикладной аспект. М.: Юрист, 1997. 304 с.
- Лазарян Сергей Степанович*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права России и зарубежных стран ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет»; aflost@yandex.ru